

Я устал встречать своих знакомых в криминальных хрониках. Я устал от того, что я открываю уголовные дела и первым же пунктом обвинения идет то, что человек является представителем антифа. И за это не только предъявляют обвинения. За это арестовывают и сажают.

Я устал читать криминальные хроники и ловить списки убитых. Это уже не работа. Это уже вопросы выживания. Нам нужна защита от нацистов. Нам нужна защита от мафиозных властей. Даже от тех же правоохранительных органов, которые просто часто прислуживают им. Нам всем нужна защита.

И мы прекрасно понимаем, что кроме нас самих, нам больше никто никогда эту защиту не сможет дать. Ни бог, ни царь, ни закон. Уже никто. Только мы сами. И вот тогда, когда мы подставим друг другу плечо, когда мы сможем друг друга защитить, — только тогда мы прорвемся. Надеюсь, что это будет.

*Станислав Маркелов,
из речи на митинге 30 ноября 2008 года*

ВЛАСТИ И НАЦИОНАЛИСТЫ НЕ ПОССОРИЛИСЬ

В декабре 2010 года в России заговорили о национализме и расизме даже те, кто годами и десятилетиями умудрялся отрицать существование этой проблемы: массовые выступления националистов 11 декабря в Москве, Петербурге и других городах не заметить было невозможно. Толпы агрессивной молодежи, кричащие о ненависти, зовущие к насилию, выбрасывающие руки в нацистском салюте в самом центре обеих столиц, — на это уже нельзя было не обратить внимания. От криков и жестов демонстранты быстро перешли к действиям: избивали всех, кто казался им «нерусским», устраивали драки и погромы. Кому-то из наблюдателей казалось, что пожар расистской агрессии вспыхнул внезапно, кто-то говорил о том, что прорвалось давно копившееся напряжение, прозвучали мнения о «нацистском путче», о назревших в городах РФ межэтнических конфликтах, о провокации властей.

Многое было непонятно даже самим участникам событий — начавшийся с гибели в драке московского футбольного болельщика «протест» мгновенно перерос в антиправительственные и антикавказские выступления, перед которыми силовые структуры то ли пасовали сперва, то ли не желали жестко реагировать, не испытывая к бушующей толпе расистов особой антипатии.

Демонстрации 11 декабря были восприняты националистами как огромный успех, силовиками — как повод доказать свою готовность подавлять беспорядки «в следующий раз», властью — как неповиновение, требующее репрессий.

Мир обошли фотографии Манежной площади в Москве: многотысячная толпа, «зигующая» в направлении Кремля, — страшный сон страны «победивший фашизм». Меньший интерес вызвали кадры, показывающие окровавленные смуглые лица до полусмерти избитых людей, случайно оказавшихся на площади «нерусских» — к таким

«инцидентам» страна, на самом деле, давно привыкла. Расисты, глумясь, заявляли, что это и есть те самые кавказцы, в боях с которыми, они, якобы, «геройски защищают» Москву. Позже выяснилось, что на этих снимках — пятнадцатилетние дети, праздновавшие день рождения одноклассника, ничего не знавшие ни о каких конфликтах с кавказцами, более того — из четверых избитых подростков двое были местными, а двое их друзей — армянин и азербайджанец. Все они стали жертвами агрессии, словно расплачивались за свой (возможно и неосознанный) интернационализм. Детей бы растерзали на месте, но подошли все же омовцы и предложили еле живым жертвам заползти под машину, которую обступили сами вооруженные люди в форме — так они «спасли жизнь» мальчиков. За это впоследствии омовцы были прославлены как герои (в репортаже ТВ матери со слезами на глазах благодарили тех, кто всего лишь не дал убить их детей — хотя почему-то дал избить так, что бедняги еще долго не встанут).

В Петербурге милиция и ОМОН тоже удивительным образом не смогли пресечь несанкционированную акцию националистов: впервые за много лет сотни людей смогли пройти по центральным улицам, выкрикивая антикавказские и националистические лозунги. Встречные пешеходы и даже водители машин, имевшие несчастье выглядеть недостаточно «русскими», подвергались нападениям на

глазах у ставших вдруг беспомощными силовиков. В тот же день в Таврическом саду группа из четырех вооруженных нацистов напала на таджикского рабочего (Фирдавса), молодому человеку нанесли серьезные раны ножом: попали в глаз, в грудь, в плечо, отбили почку, сломали нос — он не мог сопротивляться, но успел сообщить младшим братьям, жившим поблизости, где его «убивают». Братья поспешили на помощь и сумели — вдвоем! — дать отпор расистам, отняв у агрессоров оружие, чем спасли жизнь Фирдавса.

Ждала ли их телевизионная слава? Ведь они не профессиональные «защитники» и все же справились с вдвое превосходящим их по числу противником, что уж верно не менее замечательный подвиг, чем действия московских омонцев! Нет, младших братьев спасенного Фирдавса ждало заключение под стражу, изъятие документов, обвинение в нанесении тяжких телесных повреждений тем, от кого им пришлось защищаться. Их старшего брата — во все не бывшего в Таврическом саду, а находившегося на работе в другом конце города, — задержали на следующий день, когда он пришел к Фирдавсу в больницу, в милиции его всю ночь пытали, добиваясь признания в том, что он

тоже один из «напавших» на русских парней. Остаются ли еще вопросы о том, на чьей стороне оказалась милиция?

А на чьей стороне власть? Высшие представители власти в стране реагировали небыстро и не очень определенно. Массовость и внезапность демонстраций националистов вызвала некоторую нервозность, прозвучали слова президента о том, что всякие несанкционированные митинги надо жестко пресекать, всех людей, вышедших на улицы в масках — сажать, за все нарушения общественного порядка осуждать по уголовным, а не административным статьям. При всей суровости этих заявлений (сильно смахивающей на «правовой нигилизм», столь еще недавно осуждавшийся Д. Медведевым), в них явно не хватает настоящего «нет» событиям на Манежной. Его так и не прозвучало ни со стороны президента в Москве, ни со стороны губернатора в Петербурге: никто не сказал, что национализм и погромы — страшный позор страны и города, никто не попросил прощения у жертв расистских нападений.

Равнодушное отмалчивание первых лиц — не новость. Но есть у страны и еще одно лицо, тот, у кого в трудную минуту всегда найдутся слова, — премьер РФ, он же лидер главной (а на самом деле единственной) политической партии В. Путин. Выступая перед народом в ежегодном шоу в жанре беседы со всей нацией сразу, Путин сказал несколько удивительных вещей. Оказывается, он убежден в том, что государство должно служить интересам большинства. Не интересам всех граждан, не интересам каждого — а большинства, то есть — многих, но не всех.

В интересах большинства за последние сто лет совершалось множество преступлений, уничтожались целые народы — те, кого позднее стали называть «меньшинствами», развязывались войны, организовывался террор. В середине XX века человечество с ужасом осознало гибельность «пользы большинства» и выдвинуло противоположную концепцию — приоритет прав человека, прав — каждого. Со времени принятия Всеобщей декларации прав человека прошло более 60 лет, ее концепция была значительно развита лучшими умами всего мира: появились специфические понятия — права детей, права женщин, права национальных меньшинств, права инвалидов...

Никто не говорит об особых правах взрослых, правах мужчин, правах здоровых или правах национального большинства — именно потому, что особые меры по защите прав должны приниматься только в тех случаях, когда человек может быть ущемлен в общих правах, так как относится к какой-то уязвимой, традиционно дискриминируемой группе. Современное понимание прав человека — это принцип реального уравнивания в правах всех, что означает порой дополнительное внимание к тем людям, которым труднее реализовать свои права на практике, которым вообще труднее в жизни. Идея приоритета прав большинства — нечто прямо противоположное. Это — фашизм.

Конечно, все эти рассуждения сложноваты для простых ребят с Манежной площади, они понимают скорее язык жестов. Жест со стороны власти тоже последовал: премьер-министр РФ посетил вместе с болельщиками могилу погибшего в драке Егора Свиридова (чья смерть и послужила поводом для массовых выступлений националистов), возложил цветы.

Могилы погибших в дни погромов представителей «визуальных меньшинств» никто из официальных лиц не посетил. Как никто из них не приносит и даже не присылает цветов на места гибели тех, кто, даже не относясь сам к меньшинствам, боролся за их права и погиб в этой борьбе, — Маркелова и Бабуровой, Политковской и Эстемировой, Гиренко, Качаравы, Рюхина, Корепанова... Да многих, уже, к сожалению, многих антифашистов и правозащитников, разделивших трагическую судьбу тех, кого они защищали от «большинства».

Кому-то из оппозиции власти показалось тоже заманчивым заключить союз с успешными «протестантами» с Манежной: стараясь не фокусироваться на их неистовом национализме, бунтующие политики надеялись, видимо, на антиправительственность некоторых выступлений русских фашистов. Напрасно! Власть и националисты не поссорились: они ведь — большинство. Меньшинство ответило митингами и акциями против расизма. С меньшинством — опаснее, но намного вернее.

Тема номера

КНИГА «СТАС МАРКЕЛОВ: НИКТО КРОМЕ МЕНЯ»

Станислав Маркелов был убит выстрелом в затылок среди бела дня на многолюдной улице — 19 января 2009 года около трех часов пополудни, в центре Москвы, в сотне метров от храма Христа Спасителя, у дома 1 на Пречистенке. Шедшая вместе с ним Анастасия Бабурова, корреспондент «Новой», была смертельно ранена...

20 мая вышла из типографии книга «Стас Маркелов: Никто кроме меня. Выступления и публикации С.Ю. Маркелова. Воспоминания друзей и коллег» (составители: И. Федотова, О. Трусевич, А. Черкасов, П. Рябов, Я. Леонтьев. М.: Памятники исторической мысли, 2010).

Станислав Маркелов не был «человеком из железа», и мы не хотели сделать его «человеком из мрамора». Книги о тех, кто ярко жил и трагически ушел, нередко выпускают «свои» — и для «своих». На поминках ближайшие друзья, которым «и так все ясно», говорят не о жившем, а о мертвом. Рассказы и воспоминания складываются в книгу, человек превращается в героя. Для живущих оставшихся героический образ недосыгаем и тем удобен — восхищение означает невозможность (читай: нежелание) следовать примеру. Книга становится не пьедесталом, а тяжким надгробием. Мы попытались отойти от этого канона, в первую очередь дав слово самому Стасу. Его выступления, интервью и статьи составили добрые две трети книги. Здесь — не только «адвокатская практика» и вытекающие из нее комментарии. Читатель, привыкший к словосочетанию «адвокат-правозащитник Маркелов», откроет для себя Стаса-публициста. Не просто «левого», а левака. Идеолога антифашистского движения. Автора, издателя и распространителя «Красной книги «Антифа».

В книгу вошло более трех десятков воспоминаний. Мы ограничили себя при составлении сборника, сознательно избегая жанра некролога.

Потому и не включили статью Наташи Эстемировой (см. «Новую газету» от 21.01.2009). Зато есть сделанная ею весной 2005 года фотография улыбающегося Стаса на фоне грозненского пейзажа. Было чему радоваться: только что вынесен приговор по делу Лапина-Кадета, их троих с Анной Политковской общая работа! Фото улыбающихся

Стаса с Наташей, серьезных — Маркелова и Политковской, выступление Стаса на этом суде (публикуется впервые!), и всё это — из Наташиного архива... В сборник вошли воспоминания очень разных людей: вот давние и ближайшие друзья — «леваки» (интересно сравнить их опубликованные в авторской редакции тексты — характеристику среды, из которой он вышел, — со статьями самого Стаса), а вот — «маститые правозащитники»... Уверен: сами авторы узнают много нового о, казалось бы, хорошо знакомом им человеке.

Именно для того, чтобы не «приватизировать» Станислава, не связывать себя какой-то «маркой», группа его друзей с самого начала решила делать сборник без «крыши» какой-либо организации, на добровольные пожертвования.

На самом деле книгу, вышедшую ко дню рождения Стаса, мы подарили не ему, а друг другу. Надеюсь, каждого ждет в ней какое-то свое удивление.

Станислава Маркелова категорически не хватает и сегодня — но ведь человек жив, пока его помнят...

Александр Черкасов, 25/05/10

Источник: «Новая газета»

ФИЛЬМ «ЛЮБИТЕ МЕНЯ, ПОЖАЛУЙСТА»

В 2010 году вышла не только книга о Стасе Маркелове, но и фильм о Насте Бабуровой. Режиссер Валерий Балаян снял своего рода видео-документ, где слова близких погибшей антифашистке людей, их воспоминания, их боль, мысли и чувства перемежаются с жуткими записями нацистской пропаганды, с новостными сообщениями о трагедии 19 января 2009 года, с тяжелыми сценами прощания, грустными акциями памяти. Фильм получился, на мой взгляд, не для всех.

Наверное, он производит сильное впечатление на тех, кто мало знает об угрозе фашизма, о реальности неонацизма в современной РФ, о цинизме и наглости пропаганды «белого террора». Наверное, его необходимо смотреть всем, кто недооценивает трудности антифашистского выбора, кто склонен считать смерть Насти Бабуровой «трагической случайностью», кто до сих пор утверждает, что не видит большой разницы между «молодыми людьми в масках» — будь то фашисты, или антифашисты.

Фильм показывает с полной ясностью, как неслучайна была эта гибель, какого мужества и осознанного выбора — за человечность и против зла — требует путь антифа, какую цену приходится платить молодым в наши дни за верность своим идеалам. Мне кажется важным и то, что в фильме «Любите меня, пожалуйста» выражено напряженное желание Анастасии Бабуровой быть понятой, принятой до конца близкими ей людьми. Слова из ее прощального письма родителям стали не просто названием фильма, они словно обращены ко всем — тем, кто ее знал и не знал. Те, кто вспоминают Настю в этом фильме, говорят, что она с ними не всем делилась, с болью рассказывают о смутно осознаваемом ими риске, на который она постоянно шла, скрывая собственные опасения от других. К неизбежному чувству вины живых перед погибшим — не спасли, не защитили — тут применяется еще и другое: сожаление о том, что не поняли вовремя до конца, не во всем сразу поддержали. Вероятно, тем, кто чувствует полную поддержку близких, рассчитывает на нее, может не таиться, легче. Настя Бабурова не проси-

ла о поддержке, рассчитывала на себя, но в глубине души, наверное, надеялась быть при этом любимой и понятой.

Ее родители поняли — и ужаснулись. Не только смерть дочери, но и кошмар внезапно открывшейся перед ними угрозы фашизма в России поразил немолодых бывших

советских граждан, чьи отцы отдавали жизни на войне с немецким нацизмом. Их письмо к первой годовщине гибели дочери — свидетельство этого отчаяния, не только личного, но и политического.

Поймут ли фильм все? Придет ли каждый зритель в отчаяние, увидев страшные лица пропагандистов «русского фашизма», услышав их бесчеловечные призывы и лозунги? Прочитав глумливые комментарии блоггеров-националистов, идущие в фильме на фоне трагических сцен прощания с молодой женщиной? Услышав позорные песни нацистов, их безобразные вопли о ненависти и убийствах, о насилии и мучении? Эти вопросы задают себе, очевидно, многие. В фильме много мерзости, для кого-то — это урок, важный аргумент в пользу борьбы с фашизмом, внятное указание на источник опасности и угрозы. Для кого-то... Увы — есть риск, что наименее разумные зрители поймут не мысль автора фильма, считающего, видимо, ниже своего достоинства что-то доказывать, заниматься пропагандой антифашистских ценностей (ведь и так все ясно!), а тупые речи тех, в борьбе с кем погибла Настя Бабурова, их злую и глупую пропаганду. Этого в фильме много. Много для тех, кто слишком неопытен и может попасть в примитивные сети националистов, много и для тех, кто не вчера узнал о существовании современного фашизма, кого трудно удивить страшными роликками нацистов, кого от них давно тошнит.

Степан Святомиколов

**ЭТО РОССИЯ,
ЭТО МОСКВА,
ЭТО ФАШИЗМ**

**Обращение родителей
журналистки Анастасии Бабуровой
к заказчикам и организаторам убийства дочери**

Уже прошел год с тех пор, когда вы убили 19.01.09 в центре Москвы на улице Пречистенке среди бела дня нашу дочь Бабурову Анастасию Эдуардовну, внештатную журналистку «Новой газеты», вместе с правозащитником Станиславом Юрьевичем Маркеловым.

Убийство было заказным. Вам, заказчикам, надо было показать, что вы хозяева в стране. Поэтому вы задумали это наглое убийство днем в центре Москвы в присутствии множества свидетелей как демонстрацию своей силы, власти и безнаказанности.

Возникла необходимость подобрать исполнителя убийства. Тут вы вспомнили об отношениях Н. Тихонова и С.Ю. Маркелова по прежним судебным делам. По результатам расследования, как теперь известно, другой кандидатуры искать не потребовалось. Согласие было получено.

Если бы убийца сводил только личные счеты с С.Ю. Маркеловым, не выполняя ваш заказ, то он сделал бы свое черное дело подальше от людей, без свидетелей, как обычно, где-нибудь в подворотне.

Такой вариант вас не устраивал. Вам необходимо было продемонстрировать, что вы можете все. Нет сомнения, что во время убийства стоял на улице Пречистенка автомобиль, в котором сидел представитель заказчика и наблюдал за выполнением заказа.

Убийца уверен, что вы его в обиду не дадите. Он знает, что даже если и будет осужден на максимальный срок, то вы его скоро освободите. У вас везде свои люди. Вы надеетесь скоро прийти к власти.

Соединение идеологии патриотизма и фашизма все больше проникает во все слои российского общества

снизу доверху. Неонацисты находятся теперь в правоохранительных органах, во властных и законодательных структурах. Возникает реальная возможность прихода фашистов к власти. Вы прокладываете себе путь к власти, применяя оружие против безоружных антифашистов и правозащитников. После получения реальной власти вы объявите нынешних убийц национальными героями, поэтому они уверены в своей безнаказанности.

В том, что в настоящее время задержаны убийцы нашей дочери и С.Ю. Маркелова, мы не сомневаемся. Есть метод идентификации убийц, точность которого такая же, как при отпечатке пальцев.

Теперь убийцы отказываются от своих показаний и утверждают, что не принадлежат к националистическим организациям, никого не убивали, а нашу Настеньку убили только потому, что «так сложились обстоятельства». Тем самым они хотят уменьшить свою ответственность для снижения срока наказания.

Но дочка знала еще 13.01.09, что ее убьют. В этот день она написала нам по электронной почте прощальное письмо, хотя прямо и не сказала, что ее убьют.

О том, что ее могут убить, страшно было даже подумать. Письмо мы прочитали 15.01.09, а 19.01.09 Настю убили.

Обращаемся к заказчикам и организаторам убийства. Все понимают, что вы на этом убийстве не остановитесь. Вы ведь хотите утвердиться в стране и прийти

к власти именно такими радикальными методами. Когда вы задумаете очередное убийство журналистки или правозащитника, то хоть немного поинтересуйтесь личностью этих людей. Может, вы все же поймете, что эти люди смотрят дальше вас и для страны они могли бы принести только пользу, а вы своими убийствами можете уготовить России только международный позор и осуждение.

Представьте себя на месте родителей тех, кого вы собираетесь убить. Что бы вы ощутили, если бы ваших детей убили на улице выстрелами в затылок. Это очень знакомый почерк, не правда ли? Вы, заказчики, это хорошо знаете!

Сообщите родителям, что вы убьете их детей, и родители уберут своих детей с вашей дороги. Но вам проще всадить этим детям пулю в затылок. Здоровые вооруженные мужики демонстративно расстреливают безоружную девочку. Что тут скажешь? Это Россия, это Москва, это фашизм.

Нам говорят, что мы можем гордиться нашей девочкой. Она не дрогнула перед здоровенным убийцей с пистолетом в руке и пыталась его задержать.

Заказчики убийства, вы не знаете, кого вы убили. Правозащитник Станислав Маркелов и журналистка Анастасия Бабурова — это непреклонные борцы за честь, свободу и величие России. Они доказали это своей жизнью и своей смертью. Это образованные и очень одаренные люди. Таких детей редко, очень ред-

ко рождает наша Земля. Основные черты характера нашей Настеньки: неуемная жажда приобретения знаний в сочетании со свойством неустанной труженицы, острое чувство необходимости защиты униженных и обездоленных. Именно эта последняя черта характера привела ее в журналистику.

Вы убили русскую девочку, дед которой, капитан Бабуров Федор Иванович, уроженец Смоленской области, погиб во время ВОВ, сражаясь с фашистскими захватчиками. Второй Настин дед, Глотов Иван Афанасьевич, 18-летним моряком в 1942 году отбивал атаки гитлеровцев на последнем рубеже обороны Севастополя. А их внучку, журналистку, студентку МГУ, 67 лет спустя в мирное время убивают неонацисты в центре Москвы рядом с Кремлем за то, что она нетерпимо относилась к фашистам.

Значит, фашизм не побежден, он проник в Россию и интенсивно в ней разрастается. Это развитие стало неуправляемым.

Следователи провели огромную работу по выявлению убийц. Но определить заказчиков значительно труднее. Они могут занимать высокое положение в стране.

Но все тайное когда-нибудь становится явным. И даже если ваши имена станут известны пусть даже после вашей смерти, все равно вечный позор покроет ваши головы и ваши имена.

Будьте вы навечно прокляты!!!

Бабуров Э.Ф., Бабурова Л.И.

<http://novgaz.ru/data/2010/004/02.html?print=20109101018>

АКЦИИ ПАМЯТИ СТАНИСЛАВА МАРКЕЛОВА И АНАСТАСИИ БАБУРОВОЙ, 2009 ГОД

Целая серия различных антифашистских акций была приурочена к годовщине со дня убийства С.Маркелова и А. Бабуровой. Активисты в самых разных городах как в России, так и за ее пределами вышли на улицы, чтобы почтить память жертв неонацизма и выразить свой протест против нацистского террора.

Самая крупная акция памяти прошла в Москве. Ее инициатором выступил «Комитет 19 января» — объединение активистов разных политических взглядов, отказавшихся от собственных флагов и лозунгов для проведения общей антифашистской демонстрации.

Власти Москвы не согласовали шествие, но ими была предложена странная схема двух пикетов с беспрепятственным проходом участников между ними. На первом пикете собралось около 800 человек. Через полчаса после его начала милиция потребовала свернуть транспаранты и убрать портреты погибших. Но антифашисты отказались подчиниться и начали движение по маршруту заявленного ранее шествия. Милиция и ОМОН предпринимали разные попытки ограни-

чить движение, в частности, они построились, образовав несколько узких коридоров, по которым пропускали группы по 50 человек.

На месте второго пикета милиция запретила установку видеопроектора с экраном, на котором по плану должен был демонстрироваться короткий ролик с речью Станислава Маркелова. Когда представитель «Комитета 19 января» начал зачитывать текст заявления, милиция попробовала отобрать у выступающего мегафон. Участники акции стали бросать в милицию снежки, ответом на это стал слезоточивый газ. Митингующие прорвали оцепление и начали движение по Чистопрудному бульвару. В итоге было задержано более 50 человек.

В Петербурге в те дни состоялось сразу несколько акций. Ночью 19 января на внешней стене Музея политической истории (дворец Кшесинской) анархисты и независимые художественные активисты открыли уличную экспозицию, посвященную памяти адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой.

Место для проведения акции было избрано не случайно. На фасаде Музея написано, что в его миссию входит формирование политической культуры в современной России. Совершенно непонятно, что вообще имеется в виду под этим выражением, если в России люди фактически не имеют воз-

возможности проводить публичные мероприятия (если, конечно, не представляют официальную партию), лишены свободы слова из-за тотального контроля над СМИ и усиливающейся цензуры в Интернете. Государство без конца продвигает агрессивную милитаристскую и православно-державную риторику, через свои инстанции осуществляет поддержку неонацистских организаций (вспомним хотя бы эпизоды сотрудничества проправительственной «России молодой» и фашистского «Русского образа»). А эти неонацисты ежедневно убивают и калечат людей на улицах — какая уж тут политическая культура...

На огромном 17-метровом принте-плакате художники изобразили наиболее значимых персонажей и самые одиозные моменты политической действительности последних лет: это были убийца и насильник, полковник российской армии Буданов; философ-неофашист и государственный идеолог Александр Дугин; майор Евсюков, расстрелявший людей в супермаркете; антифашист Алексей Олесинов, осужденный по ложному обвинению; адвокат Станислав Маркелов, который вел дело против Буданова и защищал Олесинова и других политических активистов; журналистка Анастасия Бабурова.

П.Ш.

Книжное обозрение

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ

«Судебная защита политических активистов» — новая книга голландского профессора права Тис Праккен, написанная в соавторстве с Яном Вермоном, юристом-социалистом. В издании анализируются тактика и стратегия судебной защиты участников общественных и политических движений в Бельгии, Голландии, Франции и Германии за последние 100 лет. В конце книги даны 36 рекомендаций по защите активистов в судах. В предисловии авторы позиционируют себя как защитники освобожденных движений, бросающих вызов существующему политическому устройству. Их концепция права довольно сложная: с одной стороны, они определяют правосудие как систему, охраняющую политический статус кво и, соответственно, представляющую угрозу для общественных движений, которые авторы и стремятся защитить. С другой стороны, авторы понимают, что сама возможность подобной защиты базируется именно на соблюдении принципов законности.

По мнению авторов книги, судебное дело становится политическим в том случае, если оно выходит за рамки личных интересов отдельных людей. Особенно это касается уголовных дел против политических движений. Цель системы правосудия — расследовать индивидуальное участие и вынести приговор конкретному обвиняемому, в то время как цель политической системы и властей — подавить, сдержать или опорочить ценности, в соответствии с которыми действовал этот обвиняемый.

Авторы книги подчеркивают, что в деле защиты политических активистов очень важны солидарные действия общества за пределами суда; яркий пример тому — дело Дрейфуса во Франции. Другие известные примеры — суд над лидером Коминтерна Георгием Димитровым в нацистской Германии и суд над террористами из Фракции Красной Армии (RAF) в ФРГ в 1970-е годы. Главные теоре-

Тис Праккен защищает потерпевших в суде над политиком-расистом Вилдерсом

тические положения судебной защиты политических активистов были выдвинуты бельгийским адвокатом Вилларом и французским адвокатом Верже. Виллар, участвовавший в процессе Димитрова, полагает, что в политических судебных процессах адвокаты должны использовать любые юридические средства, перехватывать инициативу где только возможно и предавать дело гласности, чтобы общественное мнение было на стороне обвиняемого; иными словами, на первом месте для него – политическая победа. Верже гораздо менее оптимистичен: он указывает, что подсудимый должен или принять систему правосудия, или полностью отказаться от нее. Примечательный пример последней тактики – суд, где Верже защищал бывшего шефа Гестапо Клауса Барбье (Лион, 1987).

И Праккен, и Вермон отвергают точку зрения, что бороться надо с системой правосудия как таковой. Они скорее говорят о том, что в ходе нечестной борьбы, которую ведут некоторые правительства и законодатели против своих политических оппонентов, система правосудия подвергается «политическому насилию». Красно нитью по всей книге проходит мысль о конституционном праве каждого обвиняемого на справедливый суд. Для Праккен приоритетом служат забота о клиентах

Ян Вермон дает интервью после суда над педофилом-убийцей Марком Дютру

и адвокатская честь, в то время как Вермон придает большое значение международному законодательству, в частности, правам человека.

Праккен и Фермон приводят множество примеров выжидательной тактики стороны защиты в политических процессах (так сказать, игры в «кошки-мышки»). Они убедительно описывают механизмы контроля за юридическими процедурами, которые могут использовать адвокаты: право хранить молчание, чтобы решающие аргументы были выдвинуты в самый нужный момент; фактический подход (и сбор фактов, и их представление для опровержения несправедливых обвинений); доскональный анализ политических сил, действующих в пользу обвиняемого и ему во вред, и стратегия противодействия последним.

По мнению Праккен и Вермона, самый значительный риск для европейских адвокатов представляет собой криминализация судебной системы. Они приводят в пример несколько дел, в которых к адвокатам были применены дисциплинарные меры за неповиновение закону. С другой стороны, сами адвокаты тоже защище-

ны европейским законодательством, в частности, представитель адвоката может от его имени вмешиваться в судебный процесс.

Риски, которым подвергаются адвокаты и их подзащитные в Европе и в России, существенно отличаются. Это придает защите политических активистов в России особое измерение: принцип личной ответственности каждого не соблюдается, но людям навязывается необходимость самим бороться за свои права. Как сказал адвокат по политическим делам Стас Маркелов, «нам всем нужна защита, и мы прекрасно понимаем, что кроме нас самих нам больше никто никогда эту защиту не сможет дать».

Защита активистов в судах была специальностью Стаса Маркелова, который одним из первых предвидел усиление фашистских движений и сдвиг политического курса в сторону авторитаризма. Его смерть ставит перед нами вопрос: как мы, антифашисты, можем защититься от террора? Этот вопрос не раз задавали и не раз на него отвечали с момента победы над фашизмом в 1945 году.

Праккен и Вермон придают большое значение международным трибуналам над военными преступниками и участниками геноцида. Участвуя в делах против полковника Буданова и Лапина-«Кадета», С. Маркелов доказал, что военные преступники могут быть справедливо осуждены и в России. Убеждение в том, что преступники-фашисты могут и должны быть преданы суду, — это презумпция юридической защиты антифашистов. Мы, антифашисты, не забудем и не простим.

Бруно Гармсун

Правозащита

О СВОБОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ, ЧЕСТИ И МУЖЕСТВЕ

В последние годы информационное пространство в нашей стране изменилось. Свободная пресса, едва народившись, почилла в бозе, не считая рудиментов типа «Новой газеты» — белой вороны на фоне полуказенной-полужелтой печатной массы. Неожиданное выступление Леонида Парфенова, высказавшего свежую мысль об отсутствии свободы слова на ТВ, было признано героическим поступком. Редактора, казалось бы, прогрессивной радиостанции «Эхо Москвы» регулярно тягают «на ковер» к первым лицам государства — видимо, разъясняют, генеральную линию. Генеральная линия, меж тем, идет в совершенно неправильную сторону: в тупик «завинчивания гаек», оголтелого «патриотизма», переходящего в ксенофобию.

Убитые нацистами 19 января 2009 года адвокат и публицист С. Маркелов и журналистка А. Бабурова этой линии противостояли. Свобода, мужество, смелость, честь — это про них. И горько видеть, как эти слова и понятия переворачиваются с ног на голову, как меняются стандарты — и в журналистике, и в жизни.

Журналист «Комсомольской правды» и автор многочисленных публикаций в Интернете Дмитрий Стешин запоздало навлек на себя внимание правоохранительных органов именно в связи с гибелью С. Маркелова и А. Бабуровой: обвиняемый в убийстве адвоката и журналистки Никита Тихонов — его близкий коллега по националистической организации «Русский образ» (Стешин же редактировал одноименный журнал с первого номера).

Более оперативно, чем милиция, на писания Стешина отреагировали антифашисты: в ноябре 2009 года они закидали дымовыми шашками фойе редакции «Комсомольской правды» в Москве, разбрасывая при этом листовки, где говорилось, что эта газета лживо и клеветнически освещает проблему миграции и антифашистского движения.

Следы нападения на офис «Комсомольской правды». Фото: Анатолий Жданов

На сайте «КП» были размещены гневные отклики на это происшествие. Некоторые — ожидаемые (Роман Силантьев, директор правозащитного центра Всемирного русского народного собора: «А антифа — разновидность тех же экстремистов, и сейчас непонятно, кто у нас опаснее для общества — фашисты или антифашисты...»). Некоторые — принадлежат людям, в чью разборчивость хотелось бы верить (Генрих Боровик: «Эти люди могут называть себя антифашистами, могут называть фашистами, могут придумать еще какие-нибудь названия для своей подлой деятельности, но цель у них одна: не допустить построения гражданского общества в стране. Потому что они знают, что свободная журналистика — главное условие его создания»). Видимо, приверженность идеям «свободной журналистики» и «гражданского общества», понимаемым очень своеобразно, и сподобили известного в прошлом советского журналиста-международника дать Стешину премию им. Артема Боровика, девиз которой, между прочим, — «Честь. Мужество. Мастерство» — к Стешину ну никак не относится.

Да и говоря о «Комсомольской правде» в целом, не стоит удивляться, что она стала объектом недовольства читателей. Во-первых, она отчетливо «желтая»: кто не верит — зайдите на сайт и почитайте заголовки типа

«Хакеры устроили порносеанс на Садовом кольце» (с видео), «Магию числа 7 подтвердили научно», «Увеличить грудь на два размера, ничего не делая» или «Педагог устроила стриптиз в классе» (с фото). Во-вторых, и это гораздо важнее, в ней действительно дается лживая информация по проблеме миграции, о чем совершенно справедливо писали антифашисты в своей листовке. В-третьих, как может уважающее себя издание крышевать откровенного нациста? Да и оставлять название «Комсомольская правда» приличная газета не стала бы — уж слишком одиозные ассоциации оно вызывает (где теперь этот Комсомол? И как нелепо звучат разносчики в электричках: «Предлагаем вашему вниманию "Комсомолку-толстушку"...»).

Отдельный вопрос — к членам жюри премии им. Артема Боровика, столь высоко оценившим статью Стешина о грузино-осетинском конфликте и не заметивших его прочих произведений, как и вопрос — не знаю, кому его адресовать, — каким образом и зачем российский журналист (единственный — и именно Стешин) без аккредитации Министерства обороны Грузии оказался в Гори накануне военных действий, при отсутствии дипломатических отношений двух государств?

Есть еще много вопросов: почему бы, например, правоохранительным органам было не воспользоваться случаем и разгромить «Русский образ», закрыть его сайт, раз уж его активисты замазались в убийстве Маркелова и Бабуровой, да и другие подобные сайты? Не пора ли признать, что у антифашистов были серьезные основания атаковать и «Комсомольскую правду», и «Румол» и доказать связь Стешина и Мищенко с экстремистами, на которую антифашисты так недвусмысленно указали? Да и вообще, приветствуя допрос Стешина и обыск у него, не пора ли так же поступить со всеми нацистами, которые светятся в интернете? Тряхнуть как следует Мищенко и «Румол»? И, наконец, не пора ли объяснить непонятливым, что фашисты чрезвычайно опасны для нашего общества, а антифашисты — почти единственная сила, которая им реально противостоит?

Самое время сорвать тот ореол «чести, мужества и мастерства», который так некстати образовался вокруг бритой головы Стешина. Стешин высказывается на разнообразнейшие темы — от абортов в России до землетря-

сения на Гаити, не брезгуя и довольно мелкими происшествиями. Так, например, в январе 2009 года в поле его зрения попали цыгане (тема, понятно, одиозная и для фашистов благодатная). Некто Людмила Лошакова, дежурная одной из станций петербургского метро, по громкой связи объявила: «Осторожно, в метро цыгане!» В том смысле, что пассажиры должны были проявить бдительность и схватиться за сумки и кошельки. Заметим, что она не вызвала милицию, заметив что-то подозрительное, не сказала что-то вроде «Опасайтесь карманников» — нет. На обращение АДЦ «Мемориал» о недопустимости подобных высказываний в общественных местах Метрополитен прислал официальный ответ: со всеми работниками проведен инструктаж об установленных текстах вещания, допустившая нарушение Лошакова лишена премии за работу в январе. Такой ответ исчерпал тему и у нормальных людей вызвал даже преждевременную иллюзию цивилизованности нашего города и страны. Однако прочая общественность очень возбудилась: «5 канал» сделал репортаж, вышел материал в петербургской «Комсомольской правде», новость попала в топы блогов, где поднялся «галдеж и лай» на тему несчастного русского народа, и конкретно несчастной русской труженицы Лошаковой, несправедливо пострадавшей от цыган и — в особенности — от защитников цыган, предателей-русофобов из «Мемориала». В выражениях блоггеры, понятно, не стеснялись (насчет русского языка и общей культуры у них не очень...). Волна народного гнева росла, росла и вылилась, наконец, в акцию материальной поддержки «пострадавшей» Лошаковой: сердобольные активисты собрали по интернету довольно значительную сумму денег (по сообщению Стешина, в десять раз больше утраченной премии), с которой они сам-четверт и явились домой к Лошаковой. Подробный отчет об том визите был опубликован в блоге Ярослава Ушенина (кличка — Мегаслав).

Тут-то тему и подхватил Стешин, обеспечивший информационное сопровождение делегации: опубликовал в «Комсомольской правде» статью «Не пугай воров — фашистом станешь», где и изложил историю про цыган, метро и Лошакову (интересно, читал ли эту публикацию Генрих Боровик?).

Когда агрессия против правозащитников выплеснулась из разнузданных блогов в «КП» — бумажное СМИ, которое мнит себя уважаемой газетой, а не рупором для распоясавшихся подонков, которым и отвечать-то не стоит, — АДЦ «Мемориал» провел пресс-конференцию в Москве. Приглашение было специально отправлено в «Комсомольскую правду», в Интернете информация тоже была опубликована и замечена — упомянутый выше Ушенин-Мегаслав просил своих единомышленников прибыть. Однако ни Стешин, ни кто-либо другой не явились — 8 апреля 2009 года в Общественный центр им. Сахарова пришли, кроме вполне прогрессивных журналистов, только пара активистов националистических организаций (среди них печально известный В. Тор, дважды арестованный во время нацистских демонстраций в декабре 2010 года и в январе 2011 года).

Здесь уместно вспомнить, в чем обвиняла антифашистов «Комсомольская правда»: «Редакция всегда готова к диалогу. «Комсомолка» неоднократно пыталась усадить за общий стол противоборствующие стороны». Имеющий глаза да увидит: ни к какому диалогу редакция не расположена. Да и о каком диалоге с фашистами может идти речь, если их «реплики» — нападения и убийства?

«Русский образ» и прочая фашистская сволочь, играющая в русский патриотизм, — вот настоящий позор русского народа. Все эти Мегаславы, Архетипрусы, Криги-Стешины, которые приносят объективный вред человечеству, рано или поздно получают по заслугам. Их дети, которые сейчас еще, по малолетству, повторяют за родителями нацистскую ересь, во всем разберутся сами и проклянут их.

О.А.

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» ГОСУДАРСТВЕННОЙ КСЕНОФОБИИ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

*«Создание и укрепление «образа врага» — первое правило
тактики ведения информационной войны...»*

Пособие «Основы ведения информационной войны»

В социологии ксенофобия определяется как особенность менталитета общества — «негативное отношение к социальным общностям или отдельным людям, воспринимаемым в качестве чужих и поэтому эмоционально неприемлемых, враждебных»¹. Чужое объявляется опасным, вредным, враждебным, вызывающим страх, неприязнь, а в худшем варианте — агрессию. Сфера публичной власти и управления зараженного ксенофобией общества при этом, конечно, не является исключением. Мало того: часто «естественная» ксенофобия общества искусственно культивируется и поощряется органами власти и управления — для достижения различных политических целей. В этом случае можно говорить о манипулировании общественным сознанием — по сути, информационной войне внутри государства. Успешность манипулирования общественным сознанием во многом зависит от правовой культуры, независимости СМИ, степени развития и сознательности гражданского общества, способности его противопоставить собственные ценности «информационному шуму» ксенофобных пропагандистских кампаний.

В большинстве современных государств декларируется равное отношение государства ко всем лицам, запрещаются дискриминация и высказывания, разжигающие религиозную, национальную, расовую вражду. Но на прак-

¹ Социальная психология. Словарь / Под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2006.

тике часто сами представители государственных органов и должностные лица нарушают эти требования, позволяя себе ксенофобные высказывания и действия. Наглядным (в прямом смысле) примером является строительство в португальском городе Бежа стены между городом и цыганским поселком². Строительство велось с согласия и одобрения мэра города. Как отмечает директор португальского отделения Международной Амнистии Педру Крупенски, строительство стены означает «переход от бытовой ксенофобии к общественной, в Португалии пока на местном уровне, а во Франции уже на национальном. «Стена — это символ, который отражает дискриминацию, сегрегацию на местном уровне и усложняет нормализацию отношений и соблюдение прав человека»³.

Вообще, стена, как мне представляется, — на редкость подходящий символ ксенофобии в целом, как попытки самым простым способом отгородиться от чужого, непохожего, закрыться от «чужаков», часто — в масштабе целого государства («легальными» инструментами обособления на международном уровне служат институты гражданства и специального миграционного законодательства).

Одно дело, когда негативное отношение к отдельным группам «чужих», выделяемых по дискриминационным признакам, возникает в результате личных качеств (а точнее — личных недостатков) того или иного государственного служащего или политика, а другое дело — когда это осознанная политика государства (пусть и в «скрытых» формах, например, косвенной дискриминации). Проще говоря, если вам в магазине нахамил кассир — то это ещё не отношение к вам магазина как юридического лица (хотя и характеризует «неразборчивость» юридического лица в выборе работников), а вот если на двери магазина висит табличка, к примеру, «Паукам и блондинам вход воспрещён», с подписью «Администрация», то это уже прямое выражение «дискриминационной» воли юридического лица. Но если тот или иной магазин можно просто обойти стороной, с человеком, позволяющим себе ксенофобные высказывания, — не иметь никаких дел, то вот отношения с государством избежать невозможно...

² <http://www.pravda.ru/world/europe/23-10-2010/1053924-Gipsy-0/>

³ Там же.

Часто, особенно в периоды избирательных кампаний и нестабильных социальных ситуаций, ксенофобные высказывания и обещания используются недобросовестными кандидатами как инструменты предвыборной борьбы и укрепления своего политического положения (особенно если в том или ином регионе сильны ксенофобные настроения социального большинства). Множество примеров из политических кампаний и публикаций СМИ содержится в материалах Информационно-аналитического центра «СОВА» (например, «Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени 2007 года»⁴), включающих подробный анализ использования особого «языка вражды» в предвыборных кампаниях.

Такие методы политической борьбы основаны на крайне опасном манипулировании враждебными настроениями общества и, конечно, усугубляют общее положение дискриминируемых людей, приводят к нарушению их прав, в связи с чем в международных заявлениях постоянно выражается беспокойство ростом ксенофобии политических и общественных деятелей. Это беспокойство имеет реальные социальные основания: Комиссия по борьбе с расизмом в этом году была вынуждена признать, что в Европе растёт ксенофобия, антисемитизм и насилие на почве расизма⁵. Справедливость этого вывода в отношении России демонстрируют недавние события на Манежной площади.

В октябре этого года Парламентская ассамблея Совета Европы призвала государственные органы и организации на национальном, региональном и местном уровнях, а также должностных лиц «воздерживаться от заявлений, которые могут восприниматься как разжигание ненависти или как высказывания, которые могут потенциально истолковываться как пропаганда расовой ненависти, ксенофобии или других форм дискриминации, основанных на нетерпимости».

⁴ <http://www.сова-center.ru/hate-speech/publications/2008/10/d14409/>

⁵ Информация приведена в статье «Чужие в доме: в Европе и России растёт уровень ксенофобии» (<http://focus.ua/foreign/162798>).

В национальном законодательстве ксенофобные высказывания в ходе предвыборной агитации специально запрещены национальным избирательным законодательством, в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Это помимо того, что существует общий уголовный запрет действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ), унижение достоинства человека, *совершенные публично или с использованием средств массовой информации* (признак использования служебного положения является квалифицирующим признаком, предполагает большую общественную опасность деяния). Это должно относиться и к высказываниям должностных лиц всех уровней, а также на враждебные действия дискриминационной направленности (например, изгнание из города все «чужих», введение ограничений для лиц определенной национальности).

Помимо враждебных высказываний политиков и высших должностных лиц, неосознанная, «бессмысленная и беспощадная» ксенофобия широко распространена среди служащих, чиновников, сотрудников всевозможных государственных органов и учреждений (в политологии и социологии именуемых «агентами государства»). Кроме общей негативной социальной роли, ксенофобия в этом случае создает дополнительные «административно-психологические» барьеры в публичной системе общества. Личное отношение конкретного чиновника становится серьезным фактором, усугубляющим структурную дискриминацию и формирующее отношение к «чужим» государства в целом.

Отдельной проблемой является ксенофобия сотрудников правоохранительных органов, прежде всего милиции (причем проявляемая не только в форме высказываний, но и в форме активных действий, агрессии и насилия), поскольку эти отношения чаще всего находятся в сфере таких первоочередных прав человека, как право на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность, а также организации уголовного преследования и сбора доказательств. Любые злоупотребления и проявления нетерпимости сотрудников правоохранительных органов могут иметь самые тяжелые последствия: не-

объективность уголовного расследования, предвзятое отношение к лицам разной национальности, неправомерное задержание, пытки. В худшем случае — намеренное уголовное преследование лиц иной национальности и гражданства (например, с целью повышения «раскрываемости» преступлений), связанное, конечно, не только с враждебностью к этим людям отдельных сотрудников, но и с незащищенностью этих групп населения, их уязвимым положением и, следовательно, — предполагаемой безнаказанностью любых нарушений их прав. Известны случаи избиения сотрудниками милиции иностранных граждан только за то, что они говорили в отделении милиции на родном языке (я сама была свидетелем того, как участковый милиционер запрещал отцу говорить по-таджикски с дочерью, подозреваемой в краже).

Как утверждаетса во введении к «Справочнику самарского милиционера»⁶ (который сам по себе является весьма странным изданием, сочетающим краткие сведения о религиях⁷ и «этноконфессиональных особенностях этнических меньшинств, проживающих в Самарской области»⁸), *«в условиях сложного многоэтнического государства и общества с их современными противоречиями особая роль принадлежит работникам правоохранительных органов. Работник милиции должен осознавать, что любые проявления экстремизма воздействуют не только на конкретные жертвы,*

⁶ http://www.uvd-samara.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=26&Itemid=51&limit=1&limitstart=1

⁷ Например: «буддисты не склонны к нарушениям правопорядка, однако и активно вмешиваться в происшествия они не будут», «Из-за понятий чистоты заходить в храм или вихару с милицейской собакой можно лишь в крайних обстоятельствах, например, при угрозе жизни» (http://www.uvd-samara.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=26&Itemid=51&limit=1&limitstart=2).

⁸ К числу таких особенностей «Справочник» относит, например, следующие: «В силу социальной пассивности, низкого образовательного уровня, плохого знания русского языка и безвыходного положения, таджики — выходцы из многодетных, бедных семей чаще всего подвергаются унижениям и дискриминации», «Женщины-казашки традиционно очень свободны, они никогда не закрывают лица, могут скакать на лошадях наравне с мужчинами и даже принимать участие в боевых действиях».

но и на общество в целом». Авторы справочника уверены, что *«материалы пособия помогут стражам правопорядка повысить свой уровень знаний в области этноконфессиональных особенностей жителей региона и позволят более эффективно работать с представителями этнических меньшинств»*. В свете общей ситуации с соблюдением прав человека сотрудниками милиции, издание такого справочника очень уж напоминает желание «знать своего врага в лицо».

Такое поведение «агентов государства» усиливает общую атмосферу напряженности и враждебности в обществе, и государство должно нести ответственность за такие действия — как своих служащих, так и политических деятелей и должностных лиц, независимо от уровня. Если, разумеется, государство намерено сохранять хотя бы видимость того, что его приоритеты — право и демократия.

Конечно, очень хотелось бы верить, что проявления ксенофобии в современной российской практике публичного управления являются частными случайными фактами, «безобразиями на местах», а не проявлениями целенаправленной государственной политики, но все больше в последнее время появляется доказательств обратного. В этой ситуации крайне важно, сможет ли гражданское общество противопоставить свои ценности и защитить жизнь и достоинство личности от информационного «оружия массового поражения» — ксенофобии и культивируемой ненависти.

А.Н.

Хроника

4 НОЯБРЯ 2010 ГОДА. АНТИФАШИСТСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Уже в течение 5 лет в Петербурге, как и по всей стране, 4 ноября проходят акции неонацистов, получившие названия «Русский марш». История русских маршей в нашем городе — это история постоянного противостояния между сторонниками человеконенавистнических идей расизма и антифашистами.

Уже самый первый «Русский марш» был встречен акцией протеста. Тогда, в 2005 году, анархо-панки из группы «Панк Возрождение» пришли с антифашистским баннером к месту проведения акции неонацистов. Милиция задержала более 20 антифашистов за демонстрацию своей позиции. В 2006 году состоялось самое масштабное столкновение: тогда более 50 антифашистов преградили путь колонне националистов, двигавшейся по тротуару Невского проспекта под охраной ОМОНа. Завязалась рукопашная, которая окончилась вмешательством милиции и массовыми задержаниями. В следующем 2007 году ультраправые проводили согласованный митинг в саду Чернышевского. Антифашисты развернули баннер «Смерть фашизму!» и зажгли фаеры в самый разгар митинга. 10 участников акции были молниеносно задержаны ОМОНОм и доставлены в 78-е ОМ, где одному из активистов угрожали электрошоком. Аналогичная акция с баннером «Национализм на помойку!» в 2009 году закончилась нападением неонацистов на антифашистов.

В 2010 году мы решили провести альтернативную фашистскому маршу акцию в день 4 ноября. Это мероприятие по первоначальному замыслу выходило за рамки заурядного митинга. В подготовке и организации участвовала широкая коалиция людей самых разных политических взглядов. При этом по общему решению от

партийной и организационной символики решили отказаться. Акция стала общественным действием всех тех, кто выступает против фашизма.

Особенностью события стало то, что одновременно, в рамках одного мероприятия, на общей площадке проходили различные антифашистские акции. Так уж получилось, что все действие разворачивалась в городском парке. Но мы постарались максимально использовать занятое пространство. Под открытым небом была развернута серия фотовыставок. Фотографии поместили на кусках белой и черной ткани, привязанной к деревьям. Общим мотивом всех графических работ стала проблема фашизма, нетерпимости и розни, как в историческом аспекте, так и в современности.

Во время митинга, помимо обычных выступлений ораторов, у микрофона читали свои стихи как поэты, так и просто неравнодушные люди. Всем желающим раздавали горячий чай и блины. А в конце акции состоялось живое музыкальное выступление. Люди, пришедшие на мероприятие, смогли одновременно услышать речи выступавших, посмотреть фотографии, послушать музыку и стихи. В акции приняло участие около 150 человек.

К сожалению, не все из того, что мы запланировали, было реализовано. Помешали этому власти. Несмотря на то, что согласование акции началось за месяц, а уведомления были поданы на 7 возможных площадок, в итоге мероприятие было перенесено в малолюдный Петровский парк. Кроме того, накануне проведения общественного действия в квартиру одного из участников инициативы ворвались с обыском представители центра «Э». В ходе их действий были изъяты многие информационные материалы и оборудование, а также по обвинению в столкновении с неонацистами в 2008 году был арестован один из антифашистов.

Но, несмотря на все эти препятствия, акция состоялась. Антифашисты Петербурга смогли заявить о своей позиции и продемонстрировать альтернативу вражде и розни.

П. Ш.

Солидарность

В ГОСТЯХ У АНТИФАШИСТОВ МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА

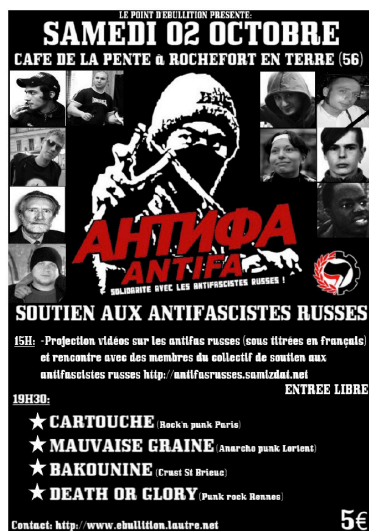
Уже четыре года активисты французской антифашистской сети «No Pasaran!» ведут кампанию солидарности с российскими антифашистами. До сих пор контакты в основном были опосредованные — помогали русские антифашисты, временно или постоянно живущие во Франции, международные конференции позволяли встречаться с их коллегами, а Интернет — регулярно, но все же заочно общаться. «No Pasaran!» организовала две поездки: в мае 2008 года к нам приезжали Маша и Маскодагама на конференции и встречи в Париже, Анжере, Нанте, Дижоне и Страсбурге. В ноябре 2008 года с музыкальным турне, послужившим поводом для многочисленных встреч с активистами и акций солидарности, российская группа «What We Feel» объездила с концертами Париж, Лимож, Бордо, Сант-Этьен, Дижон и Страсбург. Конечно же, несмотря на бурные дискуссии во время этих кратких встреч и постоянную связь через Интернет, нам не хватало главного — встречи с самой страной, откуда родом наши друзья и коллеги, чувства сопричастности не только к их борьбе, но и к повседневности российских антифашистов — акциях в их городах и микрорайонах.

В конце апреля 2009 года мы впервые посетили Россию, встретили тех, кого знали только через окошки и-мэйлов в наших компьютерах, и вновь повидали тех, кто уже приезжал к нам во Францию.

Это первое путешествие особенно запомнилось нам, хотя за ним последовали наши новые поездки и новое турне по Франции наших друзей из России.

МОСКВА

В первые же минуты после приезда — культурный шок: город огромен, даже не придет в голову заехать домой между акцией и митингом, встречей в кафе или заседани-

ем. Великолепное метро поражает шумом, переполненностью и обилием милиции. На улицах — очень мало следов привычной нам политической жизни, мало афиш, наклеек, а реклама концертов касается только официальных культурных событий — альтернативная сцена на улицах незаметна. Незаметны и места встреч альтернативной молодежи, куда можно было бы прийти, поговорить, познакомиться с единомышленниками. Где купить или раздать свой фэнзин, журнал, брошюру? Квадратный метр стоит так дорого, что не только альтернативные тусовки, но и детские сады и больницы теряют свою площадь, отдавая ее под магазины для шикарных людей с большими доходами.

Пожалуй, иногда политические граффити все же попадают на улицы своей символикой: вот мелькнул их символ на стене по дороге из аэропорта, и даже на заполненном туристами Арбате есть следы их присутствия. Все же остальное на стенах и автобусных остановках — объявления мелких собственников, предложения работы и реклама.

Впрочем, друзья отводят нас в альтернативную книжную лавку — они гордо сообщают нам, что таких в городе как минимум две (а город в десять раз больше Парижа...). Найти ее может только посвященный: покинув шумную улицу, мы пробираемся переулками до арки, под которой

по обычной московской лестнице поднимаемся куда-то наверх, как будто идем в гости. Никаких вывесок, не знаешь где — не найдешь никогда. Внутри — контрастом пройденному пути — толпа и суета, буквально проталкиваемся от столика к столику, где разложены афиши, книги, журналы (например, хорошо известный нам «Автоном»), а стены украшены наклейками и постерами (один из них — нашего родного SCALP!). Однако, к нашему удивлению, мы не находим почти ничего по-английски, по-немецки или по-французски — не только что книг, нет даже многочисленных европейских антифа-изданий.

Нам повезло — за наше короткое десятидневное пребывание мы смогли поучаствовать в жизни наших коллег, хотя бы поглядеть вблизи на их нелегкую и полную риска жизнь. Как только мы приехали, мы узнали, что со дня на день должен быть оглашен приговор Алексею Олесинову «Шкобарю», из московских *Троянов*, и 21 апреля мы сможем сходить в суд, посмотреть, как будут дальше развиваться события. Наша московская жизнь состоит из встреч, разговоров, обмена опытом и знаниями. Постепенно, у нас возникает лучшее понимание этого масштабного, динамичного движения, с несколькими ключевыми фигурами, служащими мостами с другими сферами, объединенными неприятием фашизма.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Немного привыкнув к городу и языку, мы идем на встречу с сотрудниками центра «Сова». В маленьком кабинете, в котором еле помещаются четыре человека, Александр Верховский и Галина Кожевникова показывают нам публикации центра, в том числе свой впечатляющий отчет по радикальному русскому национализму. Они рассказывают о работе по отслеживанию крайне правых, а также об анализе произвольного использования государством антиэкстремистского законодательства.

Мы говорим о группах, постоянно прибегающих к насилью, отслеживании деятельности которых, конечно, небезопасно: «Сова» в курсе многих подробностей — их акций, маршей, интернет-акций, концертов, а также многих

очевидных или скрытых связей между крайне правыми и правительством. Для руководителей центра «Сова» очевидно, что государство манипулирует частью крайне правых, но ясно также и то, что идеологические платформы тех и других во многом близки, а уж кто влияет на кого... иногда и не разберешь.

Когда мы их спрашиваем о современной радикальной антифашистской среде, Александр и Галина говорят, что они в постоянном контакте с некоторыми ее представителями, но сотрудничество затруднено очень разными идеологическими базами, так же как и различным пониманием выбора методов борьбы с крайне правыми, хотя нередко их объединяют действия по идентификации проблемы. «Сова», например, сотрудничает с некоторыми представителями милиции, в то время как радикальные антифашисты напроць от этого отказываются. В то же время, когда радикалы подвергаются нападениям нацистов или репрессивным действиям со стороны органов правопорядка, некоторое сотрудничество налаживается — ведь опыт или экспертиза «Совы» может оказаться весьма полезной.

ЧЕМ МОЖЕТ ОБЕРНУТЬСЯ УЧАСТИЕ В АНТИФАШИСТСКОЙ АКЦИИ

Мы встречаемся с тремя антифа, которые недавно участвовали в антифашистской акции в одном небольшом российском городе, закончившейся трагически. Мы сидим в маленькой московской кухне большую часть ночи, слушая взволнованный рассказ, сами почти не в силах представить себе подобное, но, видимо, обычное для рассказчиков происшествие...

Фашисты готовили свой концерт, а узнавшие об этом антифа мобилизовали народ и группой человек в пятнадцать отправились туда на поезде. Довольно быстро они поняли, что одна из музыкальных праворадикальных групп едет на этом же поезде и что их узнали. Видимо, не только узнали, но и позвали подкрепление — на вокзале антифа уже ждали местные наци. Антифа не сразу осознали опасность — наци-скины теперь все менее

узнаваемы по одежде. В любом случае, выбор был небольшой: антифа вышли на платформу и пошли по вокзалу. Развязка произошла в туннеле: две группы, очень разные по численности, двинулись друг другу навстречу. Милиции не было — похоже, она всегда исчезает, как по волшебству, в такие минуты, хотя обычно вездесуща. Наш собеседник смотрел вперед на двигавшихся к нему людей и не заметил, откуда вывернулся обладатель ножа, блеснувшего сбоку. Последнее, что он запомнил, его неудачная попытка отбить удар и падение под ноги толпы, своих и чужих, затем — множественные удары по голове ботинками напавшего на него. Он потерял сознание. В местной больнице его наскоро подлечили, а регулярно посещавшие его следователи явно куда больше интересовались составом группы антифа, чем личностями вооруженных нападавших. Благодаря солидарности и умному поведению опрошенных «дело обошлось без дела», то есть уголовного преследования жертв нацистского нападения на этот раз не последовало. На этот раз...

БОРИС И НАТАША¹

С этими двумя московскими антифашистами мы встречаемся, чтобы поговорить в основном о связях западных и российских антифашистов, о том, как российскую антифа-сцену воспринимают на западе, и наоборот, оба они в основном служат проводниками между этим схожими, но такими разными мирами.

Они показывают нам недавно вышедшую в России книгу «Бороться с фашизмом», переведенную с английского — пример обмена опытом и аргументами. Они объясняют, сколь многое на их взгляд тут надо прояснить и обсудить — тогда как часто дискуссии сводятся лишь к принятию или непринятию насилия (вопросе для них второстепенном). Мы обсуждаем с ними и недавно вышедший фильм «Мнение Антифашиста», где, на их взгляд, как раз во главу угла ставится вопрос о насилии. «А ведь не все способны и расположены к насилию, мы не против этого метода по отношению к ультравоинственным нацистам, но у всякого должна быть возможность выбора пути». А иногда — причем как сторонники, так и противники насилия — российских антифашистов сводят к группе воинственных хулиганов, и это крайне неверно. Об этом фильме мы говорим почти со всеми, с кем встречаемся в Питере и Москве, — мнения о нем очень разные.

ЧЕТВЕРТАЯ ВСТРЕЧА — WWF И ДРУЗЬЯ

Перед самым отъездом в Петербург мы проводим вечер с музыкантами из «What We Feel», которые рассказывают нам о последних концертах, и плавно переходим к планированию их ближайшего турне — Беларусь, Польша, Германия, Франция, Швейцария, Австрия, Венгрия... Мы, как и прежде, организуем встречи с активистами, выставку, посвященную положению с фашизмом и антифашизмом в России, готовим перевод фильмов для показа. Цель музыкального

¹ Почти все имена изменены в целях безопасности упомянутых в статье людей.

турне — привлечь внимание, рассказать французской публике о том, что происходит здесь, через интерес к музыке — к пониманию ситуации, через понимание — к солидарности, а через солидарность — к победе над фашизмом,

Занимательны и позитивны рассказы о турне за границей, даже ближней, но страшноваты рассказы о концертах в России. Иногда, впрочем, бывают очень успешные выступления, — давясь от смеха, рассказывают нам друзья. Нацисты нередко «просто» заявляют в милицию о готовящемся там теракте и концерт отменяют. Один раз полиция прибыла на место концерта, когда народ уже собрался, с тем, чтобы эвакуировать зал. Публика, здорово подшофе, ждала на морозе в надежде на продолжение концерта, милиционеры вместе с собакой, надрессированной специально на поиск бомб, полезли на чердак, где якобы должна была находиться бомба. Сюрприз: хрупкий потолок, не выдержав тяжести, падает на сцену, рассвирепевшие милиционеры отменяют концерт! Замерзшая, пьяная и разочарованная публика

начинает доламывать все, до чего может добраться — поезда все равно не ходят в это время ночи, деться им некуда... В панике милиционеры умоляют «What We Feel» начать играть, чтобы прекратить разгул, который они не в силах усмирить. «Как мы играли! Что был за прекрасный концерт!» Другой концерт окончился похоже — эвакуировав зал, милиционеры переругались с приехавшими саперами, и в процессе этой проф-ссоры здоровенный фургон саперов помял две милицеские машины, пытаясь пробиться к залу, в котором якобы была бомба. Не дождавшись разминирования, «What We Feel» сыграли перед возбужденной публикой, пока милиция решала свои проблемы на улице...

В разговорах время летит незаметно — и мы еле успеваем на наш поезд в Питер.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Питере мы пробыли только три дня, но по наполненности они превосходили многие более длинные путешествия. Все другое — погода, снег, люди, вновь появившееся человеческое измерение, пропадающее в Москве... Мы начинаем осмотр города с Невского проспекта: неподалеку в 2005 году нацисты убили Тимура Качараву ножевыми ударами — убили, потому что хотели его смерти, не в драке, не ночью, а показательно и хладнокровно. Потом мы посетили два концерта, один подпольный и один клубный, встречались с широчайшим диапазоном активистов, и даже оказались на православную Пасху в цыганском таборе на окраине города.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА — «АНТИФАШИСТСКИЙ МОТИВ»

Нас сердечно встречают Гета и Бруно, которых мы давно знаем, еще со времен антифашистского издания «Тум-Балалайка», позже ставшим журналом «Антифашистский мотив». От них первых мы стали

узнавать о российской действительности, и, конечно, мы часами говорим с ними о развитии ситуации, о новых поколениях фашистов и антифашистов, об общем положении дел в России. Мы знаем, что начиная с 2004 года (с убийства Николая Гиренко, с которым они сотрудничали по ряду дел), им угрожали нацисты. Но, главным образом, мы расспрашиваем их об изменениях на антифашистской радикальной сцене, ведь «Антифашистский мотив» — один из немногочисленных мостиков, соединяющих разные поколения антифашистов (совершенно отличающихся от тех, кто стал ими в конце 90-х) и разные политические направления. Они стараются помогать советами по личной безопасности всем, кто в этом нуждается, не отказывают никому из тех, кто к ним обращается за помощью, в организации антифашистских акций, пропаганде идей сопротивления фашизму, и неуклонно борются с тенденциями разных групп к самоизоляции и нетерпимости к другим. Именно они за два дня организуют нам встречи с более двадцатью радикальными активистами! А также с Иваном и Димой из «Мемориала», рассказавшими нам о еще двух подходах к многогранной концепции антифашизма.

Гета много говорит о возрастающей роли Интернета в деятельности фашистов и рассказывает о недавней травле двух представительниц «Мемориала» после абсурдной истории, начавшейся со случайной расистской реплики, услышанной по громкоговорителю в метро: пассажиров призывали держаться за карманы — в метро якобы заметили цыган!

«Мемориал» обратился к дирекции Метрополитена с просьбой прекратить подобную практику. В ответ националистическими и откровенно фашистскими силами в Интернете была организована целая кампания, которые даже объявили сбор денег «пострадавшей», каковой в их глазах была сотрудница метрополитена, автор пресловутого объявления, подвергнутая за него дисциплинарной санкции в виде утраты премии. Делегация националистов вручила ей потом внушительную сумму с огромным букетом цветов!

ВТОРОЙ ПИТЕРСКИЙ ЭПИЗОД — ДВА АНТИФА-КОНЦЕРТА И ВСТРЕЧА С РАШЕМ

Первый антифа-концерт, на который мы попадаем, проводится антифашистами в сквоте, открытом с января, второй — в довольно модном клубе. Разница большая, но есть и сходство — оба концерта hardcore и оба с политически активной позицией. Но позицию не стоит принимать «позападному однозначно», как сразу предупреждает нас Раш.

С самим Рашем мы заочно знакомы с 2006 года, когда его арестовали по делу о демонстрации ДПНИ, во время которой фашисты порезали антифашистов под наблюдением милиционеров, которые потом задержали именно антифашистов. Раш объяснил нам, как вести себя на концерте. Концерт только для посвященных, с повышенными мерами безопасности, что удивительным для нас образом контрастирует с атмосферой радостного детского праздника, царящей среди довольно многочисленной публики (человек 200).

Три группы играли в тот вечер: сначала московская, «Просак», которую очень ждали, и не напрасно — такая энергия металась по сцене, когда они играли, при этом без какого-либо напряжения или сбоев. Ребята и девушки превосходят себя в яростном погоне, прыгают друг на друга в жарко натопленном зале, а курить выходят на лестницу. Позже играет «Distress» с нашим знакомым из «WWF» — он был нашим проводником в этом сквоте, объяснил разные интересные нюансы про играющие группы. Раш появляется только кратко, он очень выделяется в толпе, даже не поймешь чем — чем-то в поведении. Он не разделяет радостного настроения публики: «Большинство из них первый раз в этом сквоте, они не остерегаются, думают, что им море по колено — но они ошибаются. Ситуация за последнее время очень ухудшилась. Раньше хоть и бывало стремно, но можно было иногда просто расслабляться. Теперь не знаешь, где кончаются менты, а где начинаются фашисты, но и те, и другие не прочь продемонстрировать на нас свою силу, мало не покажется». Организаторы не успокаиваются, пока не уходят без эксцессов последние слушатели.

На следующий день Раш отводит нас на другой концерт hardcore, на этот раз в открытом клубе, более или менее заявленном как антифашистский. Именно такие концерты, объясняет нам он, любят громить фашисты — по краям зала там легче вычислить активистов антифа. Так же, как и в Москве, такие концерты — редкая возможность для антифашистов встретиться на общем мероприятии, но, в отличие от сквота в предыдущий вечер, тут нет пресс-стола для материалов, периодических изданий (так называемого «агитпропа»), ничто не выдает антифашистской настрой.

Мы остаемся недолго — концерт дорогой, музыка куда более коммерческая, публика менее веселая, девушек меньше, а парни так выпячивают свои мускулы, что танец похож скорее на боевой обряд, чем на мирное пого. После вчерашнего отлета мы разочарованы и проводим вечер в разговорах с Рашем, как всегда интересных.

Эти два концерта многое объясняют нам о питерской антифа-сцене, более заметной на улице, как нам показалось, чем в Москве, несмотря на солидный список убитых и раненных нацистами. Но и здесь улицы поражают нас отсутствием привычного нам диалога политических сил города на стенах и тумбах города. Уже после того, как 21 апреля в Москве мы стали свидетелями спонтанной демонстрации после приговора Олесинову, собравшей за считанные минуты огромную толпу, исполненную динамизма и задора, мы поняли, что отсутствие граффити и стикеров здесь никак не отражает подлинного положения дел.

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ — ДРУЗЬЯ РАША

Между двумя концертами и после прогулки по этому потрясающему городу Раш устраивает нам в сквоте встречу-сюрприз с группой активистов человек, наверно, в двадцать. Они все в основном редскины, анархисты, студенты или рабочие, девушки и парни от 18 до 25 лет. Некоторые одеты подчеркнуто субкультурно, некоторые вовсе нет, но мало кто говорит по-английски, а взгляды и интересы здорово разнятся. Объединяет их в этой встрече одно — они хотят говорить не о себе, а о Франции, о «нашем» антифашизме и нашей борьбе.

Начинается дискуссия, Раш переводит два часа подряд: мы успеваем рассказать об антифашистском движении во

Франции начиная с 80-х, альтернативной сцене, французских крайне правых, о позорном 2002², ответной мобилизации антифашистов, кратко рассказываем о ситуации на севере и востоке Франции, о наших акциях, местах для встреч, концертах...

В какой-то момент, вскользь, мы упоминаем фильм «Мнение Антифашиста», и реакции поражают равнодушием и разнообразностью. Некоторые говорят о нем просто с ненавистью, утверждая что он похож на лоскутное одеяло и не пытается представить во всей полноте ни одну из гражданских позиций, представленных там. Другие, например Раш, наоборот одобряет эту незаданность: «Фильм отражает разноликость — сильные и слабые стороны российского антифашизма. Он настолько же плох или хорош, как мы сами — уж какие есть».

Мы отвечаем на десятки вопросов: о парижских окраинах, о борьбе за права животных, о сквотах, о насилии нацистов... Удивительно, как много они знают о положении во Франции, кроме, пожалуй, смутного представления о наших крайне правых — их они представляют себе по образу и подобию российских, а разница, к счастью, очень велика.

Но мы рассказываем им еще и об уголовном преследовании анархистов во Франции, обмениваемся опытом по противодействию полицейскому произволу. В этой дискуссии было интересно то, насколько Интернет раздвинул и уничтожил границы во всем, что касается контркультуры, и похоже, что «окно в мир» для российских антифашистов — пока, в основном, Германия.

Некоторые вопросы о политической компоненте антифасцены Франции непонятны нам, пока Раш не объясняет, что в России есть аполитичные антифа, относящие себя к этому движению, но гордо отзывающиеся о своем русском происхождении и не любящие иностранцев. Некоторые из них, добывает нас Раш, носят нацистские символы и не видят тут противоречия с собственным наименованием — антифа!

Постоянно повторяемый некоторыми здешними антифа настойчивый призыв «Антифа — не мода, а призвание!» становится нам более понятен.

² Победа «Национального фронта» во главе с Ле Пенем на первом туре президентских выборов.

ЧЕТВЕРТАЯ ВСТРЕЧА — ИВАН И ДМИТРИЙ ИЗ «МЕМОРИАЛА»

Наш последний день в Питере мы проводим в офисе правозащитной организации АДЦ «Мемориал». Много лет сотрудники этой организации занимаются защитой прав цыган, жертв крайних форм дискриминации. Они издают бюллетени и брошюры, привлекают внимание общественности и властей к проблемам цыган. Они удивительно много занимаются «полевой работой», как например в поселке в двух часах езды от Питера, где они помогают тем, кто пытается добиться совместного обучения своих детей с русскими сверстниками. А пока цыганские дети учатся в отдельном бараке, где учителя и программа не соответствуют стандартам. Сотрудники АДЦ «Мемориал» активны и в других сферах — последние два года они много работают по правам рабочих-мигрантов. Большинство приезжих родом с Кавказа или из стран Средней Азии, их проблемы серьезны и многочисленны — они постоянно подвергаются нападениям нацистов, их эксплуатируют наниматели и притесняет государство. Они находятся под постоянным пристальным и унижительным контролем милиции — бесконечные проверки документов у людей с неславянской внешностью иной раз доходят до 5 раз в день, при постоянном выкачивании из запуганных людей денег. Иван рассказал нам, чем именно занимается он в «Мемориале» и сравнил со своим прошлым опытом, когда ему пришлось работать на стройке с мигрантами из Дагестана и Таджикистана. У него никогда не проверяли документов, но его смуглые коллеги постоянно подвергались унижениям, побоям и вымогательству. Он напомнил нам, что 60 % россиян, по последним социологическим опросам, поддерживают лозунг «Россия для русских» и что процент расистов в милиции не может не быть как минимум пропорциональным.

Его описание российской милиции почти примиряет нас с нашей полицией — для многих россиян работа в милиции — это прежде всего возможность хорошо зарабатывать, пользуясь коррупцией и бесправием таких групп населения, как цыгане, мигранты, беженцы... Служба в армии, как объясняет нам Иван, которая обязательна

для всех лиц мужского пола, учит людей безнаказанно-му насилию и привычке к бесправию. Банды, формирующиеся по принципу общего двора или улицы, в обществе, пропитанном ксенофобией и насилием, легко приобретают неонацистскую окраску.

Позже мы встретились с Дмитрием, который занимается просветительскими проектами против ксенофобии, — за пару недель до нашего приезда он организовал несколько подобных акций в сотрудничестве с очень разными силами — от анархистов до социалистов и либералов. Акции направлены против дискриминации всех видов — этнической, сексуальной и культурной.

Дмитрий объясняет нам развитие культурной дискриминации в последнее время — милиция обращает особое внимание на представителей молодежных субкультур, будь то скины, панки или эмо, того же требуют и от образовательных учреждений, прибегая порой к настоящим следственным действиям. Дмитрий, сам педагог по профессии, рассказал нам, как к учителям обратились с требованием составить списки субкультурно выглядящих учеников для предоставления в милицию. Многие учителя не были согласны с этой мерой, но им пригрозили санкциями в случае невыполнения приказа. Даже футбольные фанаты должны были быть переписаны. Один активист провел с другими учителями такую акцию: они запустили в коридоры Комитета по образованию игрушечных роботов с лозунгами. «Абсурд вызывает абсурдные реакции», — пояснил нам Дмитрий. За отказ участвовать в составлении списков неблагонадежных Дмитрия реально выгнали с работы...

Другой его рассказ посвящен разнообразным инициативам против ксенофобии, в том числе кинофестивалю, на котором был показан и фильм «Антифа — охотники на скинов», сопровождавшийся, как и прочие фильмы, дискуссией. Однако опыт оказался не из лучших — публика не вполне поняла, что это был документальный, а не художественный фильм, перевод хромал в самых неподходящих местах, и в довершение всего наци-скины атаковали кинозал во время показа. Все кончилось побоищем на Невском проспекте и массовыми задержаниями антифашистов.

На этом же фестивале был показан еще один фильм на похожую тему — «Россия 88», который получил приз на

фестивале в Берлине, но не демонстрируется под разными предложениями в России. Дмитрий объясняет нам очередной казус российской действительности: фильм не запрещен, но его показ все время отменяется...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С мая 2009 года, когда по горячим следам был написан этот текст, прошло больше года. Мы еще раз съездили в Россию, расширили наши знакомства, организовали еще несколько турне российских антифашистов во Францию, а также ряд заметных акций солидарности в Париже и других городах. Приятно, что солидарность с российскими коллегами заразила не только нас – через акции и концерты о проблеме узнали многие, с чьей помощью мы создали веб-сайт «Солидарность с российскими антифашистами» <http://antifasrusses.samizdat.net>.

Там мы регулярно выкладываем новости о положении дел в России, информацию об антифашистских акциях в России и во Франции. Число акций солидарности множится во многих городах Франции – как читатель может убедиться, заглянув в рубрику <http://antifasrusses.samizdat.net/?cat=12>. Мы выпустили брошюру со статьями и фотографиями, подготовленными и переданными нам антифашистами разных поколений и направлений – от одного из издателей «Тум-Балалайки» (первых российских антифашистов, с которыми свели нас совместные акции) до современных радикальных представителей антифа из разных городов России. К сожалению, список погибших товарищей занял в брошюре куда больше места, чем можно было предположить еще даже несколько лет назад. Мы выпустили футболки, открытки, значки со словами солидарности на двух языках, и они, так же как и диски «What We Feel», очень быстро распространились по всей Франции. Мы создали передвижную выставку с историей российского антифашистского движения, его борьбы, потерь и побед.

Последняя наша акция (последовавшая за парижским митингом 9 мая 2008 года, где выступали и российские ан-

тифашисты, а также присутствовали незванные российские милиционеры, приехавшие на стажировку в Париж; а до того было факельное шествие 19 января 2010 года к российскому посольству с портретами убитых нацистами антифашистов, митинг памяти Маркелова и Бабуровой и пр.) посвящена требованию освободить находившихся в заключении Алексея и Максима, арестованных в связи с битвой за Химкинский лес. Мы провели акцию в Лувре, в историческом сердце Парижа: бумажный лесоруб фирмы «Vinci» пошел рубить деревца бумажного леса, на головы бумажных журналистов обрушились бумажные дубинки, а два бумажных антифашиста оказались за бумажными решетками до того, как охрана смогла хоть что-то предпринять.

В том же духе прошла и акция, приуроченная к году России во Франции, когда группа антифашистов оккупировала зал кинофестиваля российских фильмов и провела перед собравшейся публикой политинформацию о Химкинской истории, раздав всем желающим внутри и снаружи зала флайеры с чем-то вроде профессиональной афиши военного фильма, заканчивавшейся фразой: «Химкинская битва — это вам не кино!».

Почти все эти акции вы можете посмотреть на видео, собранных на нашем сайте, либо в рубрике акции солидарности <http://antifasrusses.samizdat.net/?cat=12>, а также ранних выкладках рубрики «видео» <http://antifasrusses.samizdat.net/?cat=15>.

Химкинское дело, очень значимое для российского гражданского общества, помогло нам привлечь внимание к множеству проблем, с которыми сталкиваются российские активисты, — нацистское насилие, покушения на журналистов, судебный произвол, пытки и давление, оказываемое милицией, фашисты на службе крупных западных компаний и — стигматизация радикальных антифашистов. А еще — подтвердить старое правило, подвигнувшее нас на столь много нам давшую дружбу с российскими антифашистами: **«Пока мы едины — мы непобедимы!»**

NO PASARAN!

Тина и Мина,

<http://antifasrusses.samizdat.net>

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ СОЛИДАРНОСТИ

Последняя годовщина Бесланской трагедии задала новый контекст политическому использованию слова «солидарность» в России. Стало ясно, что произошел идеологический сдвиг в государственной политике: теперь жертвы постсоветских локальных войн на Кавказе заменили в государственной пропаганде иностранных коммунистов, преследования которых в капстранах использовались советским правительством в борьбе за мировое господство. Естественно, такая «солидарность» призвана подчеркнуть лишь правильность политики государства, в то время как не предпринимается никаких усилий для того, чтобы попытаться найти точки соприкосновения с целью совместного использования общего потенциала.

Совершенно иначе выглядят настоящие примеры антифашистской солидарности: начиная с ношения антифашистского значка, означающего поддержку тех, против кого выступают фашисты, до прямых действий против бесчеловечных фашистских атак на беженцев. Эти антифашистские акции отличаются от других своими мотивами, а не методами. Солидарность — вот тот мотив, который отличает антифашизм от «политики интересов», и неважно, что это, геополитика или местные банды преступников.

Принцип солидарности разных антифашистов определяет направление их деятельности. Солидарность с гонимыми и угнетенными приближает деятельность некоторых антифашистов к феминизму и борьбе с расизмом, в то время как другие антифашисты сосредотачиваются на противопоставлении местной самоидентификации национализму, а третья группа определяет антифашизм как глобальную борьбу людей против угнетения. С одной стороны, эти различия можно назвать идеологическими барьерами, а с другой — они показывают объединяющий потенциал антифашизма.

Антифашистская солидарность создает громадные возможности для изменения сложившейся ситуации. Это касается не только ключевых исторических событий, таких как, например, в Испании в 1936 году, но и не очень значительных, местного масштаба — например, в Роттердаме во второй половине 80-х годов панк-рок-группам дали провести антифашистский фестиваль в местной церкви после того, как им везде отказали из-за опасений мести нацистов и скинхедов. Поддержка антифашизма в такие «моменты истины» мотивирована человеческими ценностями, стоящими выше религии и идеологии.

Но является ли глубокое взаимопонимание обязательной предпосылкой солидарности? Это очень сложный вопрос. Солидарность — это вопрос конкретной поддержки, а не создание политической структуры. Таким образом, самые главные вопросы — это кого и как поддерживать, и при каких обстоятельствах. С другой стороны, дело в том, что нет двух понятий более противоположных друг другу, чем солидарность и равнодушие, так как солидарность в целом и в особенности деятельность из солидарности не могут развиваться без взаимопонимания. Показательный пример — неудача антиглобалистов в проведении политики «согласия о несогласии», которая явно действовала как магнит для фашистов и разочарованных антифашистов.

Проблема не только в отсутствии глубокого анализа того, что происходит в антифашистском движении в других странах, но и в понимании того, что может быть сделано. В кризисных ситуациях, когда антифашисты находятся в больнице или в суде, гораздо легче действовать, чем в тех ситуациях, когда антифашистов убивают и единственное, что остается — это реагировать. После убийств Маркелова и Бабуровой антифашисты и в России, и зарубежом приложили много усилий, чтобы эти события получили огласку. Критика со стороны различных представителей «международного сообщества» вынудила президента Медведева дать обещание «принять меры». Как следствие — у московской милиции появился предлог для усиления преследований московских антифашистов. С другой стороны, во время таких недавних событий, как кризис правления диктатора Мугабе в Зимбабве или разгоны уличных протестов в Тегеране, не было заметных антифашистских действий.

Некоторые антифашисты заявляют, что солидарность не очень популярна внутри самого движения, потому что очень сложно оценивать результат, то есть непонятно, улучшилось ли положение тех, на кого направлена поддержка, или (что еще более абстрактно) стал ли антифашизм в целом сильнее. В общем, много проще идентифицировать цель для нападения и разрушения, чем достичь взаимопонимания и сотрудничества с другими антифашистами. Конечно, есть множество примеров успешных совместных действий против общего врага, например, выступление против норвежских ветеранов СС в Красном Селе в 1999 году (оно было поддержано норвежским журналом «Наставник» и осуществлено антифашистами из Санкт-Петербурга). Однако такие действия предполагают создание сети и обмен информацией между антифашистами, а их основой обычно является солидарность.

В последнее время Россия находится в центре внимания некоторых антифашистских групп из Европы, особенно из Франции и Германии, где организуют публикации, митинги, концерты и где проводят сбор средств. Этот принцип солидарности не нов, он существует еще с 70-х годов, когда европейские антифашисты

сплотились для поддержки жертв латиноамериканских диктаторов и южноафриканского режима апартеида. Десятилетиями сочетание культуры и активизма, используемое в кампаниях солидарности, было лучшим способом привить молодежи привычку мыслить и принимать участие в таких движениях.

Но и кроме этой специфической политической интернациональной солидарности есть много поводов объединиться. И в России, и в других странах ведется работа по помощи жертвам насилия расистов и дискриминации, иммигрантам, беженцам и другим вынужденным переселенцам. Эти проекты во многом зависят от волонтеров, которые обеспечивают юридическую и медицинскую помощь, образование и т. д. В Европе те, кто занимаются подобной деятельностью, существуют в «теневой» зоне — иногда где-то на грани законности и незаконности, и напрашиваются параллели с сопротивлением гонению евреев, цыган и других преследуемых во времена нацистов.

Это возвращает нас к вопросу о солидарности на наших улицах, рядом с нами. Если внимательно посмотреть, то можно заметить несправедливость и злоупотребление властью на каждом шагу — и на бытовом, и на государственном уровнях, а чаще всего эти два уровня связаны между собой. Мы должны решить, как поддержать тех, кто находится «под прицелом», потому что нет никакого сомнения в том, что наша очередь тоже обязательно придет, как сказано в знаменитом стихотворении немецкого пастора Мартина Нимёллера:

Когда нацисты пришли за коммунистами, я оставался безмолвным. Я не был коммунистом.

Когда они сажали социал-демократов, я промолчал. Я не был социал-демократом.

Когда они пришли за членами профсоюза, я не стал протестовать. Я не был членом профсоюза.

Когда они пришли за евреями, я не возмутился. Я не был евреем.

Когда пришли за мной, не осталось никого, кто бы выступил против.

Выступления в защиту других людей и сопротивление нетерпимости на бытовом уровне, казалось бы, незначительное дело! Однако если речь идет о противо-

действию дискриминации, пропагандируемой заслуженными университетскими профессорами, политиками и другими влиятельными людьми, то это уже находится очень близко к сути проблемы. Вспомним, как старшее поколение русской интеллигенции критиковало антисемитов за их лозунги — это хороший пример того, как надо выражать солидарность с гонимыми.

Другая важная проблема — как можно противостоять агрессии милиции против русских и иммигрантов с неславянской внешностью. Иногда достаточно быть свидетелем, иногда нужно оказать человеку помощь — юридическую, моральную и т. д. И нельзя забывать про давнюю практику раздачи буклетов с информацией, например, как вести себя при содержании под стражей или аресте.

Пару лет назад одна молодая женщина-армянка с юга России рассказала мне очень обнадеживающую историю о солидарности. Это было вскоре после кондопожских погромов, когда ДПНИ пыталось развернуть свой террор. После появления листовок в некоторых городах представители разных этнических групп собрались вместе и стали патрулировать улицы, чтобы предупредить любое расистское насилие.

Солидарность вполне возможна, если воспринимать реальность другого человека как нашу общую, если действовать вместе, когда ситуация того требует. Для движения антифашистов солидарность — это один из немногих возможных выходов из тяжелой ситуации, в которой мы сейчас находимся.

Бруно Гармсун

КАРНАВАЛ FREEDOM NOT FEAR (СВОБОДА, А НЕ СТРАХ) В ПРАГЕ

Чешская инициатива Freedom Not Fear (FnF) зародилась в 2008 году как автономная часть одноименного международного движения, центр которого находится в Берлине и главная цель которого — борьба за защиту права на частную жизнь.

Особенность пражской инициативы состояла в том, что она уникальным образом объединила самые разные силы: представителей культуры андерграунда, анархистов-автономов (журнал A-kontra), субкультуру рейверов.

В октябре 2008 года FnF реанимировала традицию проведения в Праге DIY карнавала (карнавал 2008 года стал пятым по счету после полутора лет перерыва), впервые придав ему политическую окраску. В карнавале приняли участие около 2500 человек.

В этом году было решено расширить программу и избрать темой протест против наклеивания ярлыка «неприспособляемые». Этим эпитетом в Чехии политики и журналисты чаще всего называют цыган, что привело к определенной этнизации слова, но также оно используется и в отношении бедняков, сквотеров и рейверов.

Неделя «дезадаптации» началась 12 сентября 2009 года попыткой сквотирования дома в Праге, затем была демонстрация и концерт против нового закона о собраниях, запрещающего скрывать лицо на публичных мероприятиях, публичная дискуссия на тему «Масс-медиа и дезадаптация», кинофестиваль и в конце — 19 сентября — DIY карнавал, собравший около четырех тысяч участников.

Мы публикуем манифест чешской инициативы Freedom not Fear и фото карнавала.

ВСЕ МЫ — ДЕЗАДАПТИРУЕМЫЕ

СМИ, политики, неонацисты и даже «приличные люди» объединились перед лицом самой страшной на сегодняшний день опасности — перед «дезаптируемыми». Оскорбительная характеристика начала жить своей собственной жизнью. Ее используют для поношения всех, кто не пользуется большой популярностью: цыган, сквотеров, рейверов, бедняков...

Ярлык «дезаптации» позволяет сделать некоторые выводы об обществе, его наклеивающем. Он разоблачает, какова главная ценность этого общества, — приспособляемость. Оно хочет, чтобы мы были послушными карьеристами, безразличными к окружающей действительности, всегда готовыми к подчинению.

«Неприспособляемость» по сути ставит под угрозу нашу главную ценность — свободу. Приспособляемая свобода — это оксюморон. По нашему мнению, свободу можно ощутить именно тогда, когда нет необходимости приспособляться.

«Деадаптируемые» — это, по сути, группы, от которых ожидают, что они должны смириться с собственной обездоленностью. Кочевой образ жизни цыган был поставлен вне закона, а теперь общество удивляется, что цыгане не адаптируются к образу жизни, навязанному им силой. Субкультура рейверов была лишена возможности свободно развиваться, она почти исчезла, когда общество предпринимало попытки остановить открытые техно-фестивали. Сквотеры были лишены своих жилищ: зачистка в Миладе, последнем сквоте на территории Чешской республики, привела к тому, что последнее место альтернативной жизни и культуры перестало существовать. Прав лишаются не только те, кого это касается напрямую. Такие действия направлены против всех, кто ценит свободу и многообразие в обществе.

Наша борьба с наклеиванием ярлыков вовсе не означает, что мы защищаем любой тип поведения, подпадающий под такое определение. Проблемы действительно существуют, но у нас есть выбор: либо мы боремся с их реальными причинами, либо мы демонизируем предполагаемых нарушителей.

Мы можем предъявлять свои права, подавать жалобы и напоминать остальным обо всем, чего с помощью репрессивных мер нас лишили. В то же время, мы убеждены, что если мы чего-то и добьемся таким образом, оно будет возвращено нам в искаженной форме. Последний Czechtek (чешский техно-фестиваль), к примеру, стал карикатурой на самого себя. Мы сами добьемся нужных нам свобод: будем устраивать новые сквоты, новые фестивали и вечеринки.

Чешская инициатива Freedom Not Fear (Свобода, а не страх) начала свое существование после всемирной акции против репрессий. В прошлом году с ее помощью был организован Do It Yourself уличный парад против государственных репрессий — камер наружного наблюдения, ограничивающего законодательства и нарушения права на личную жизнь. Нам хотелось бы продолжить начатое. В этом году мы фокусируем наше внимание на насилии — не только спровоцированном государством, но и насилии, разжигаемом обществом, которое клеит

ярлыки на определенные группы людей и отталкивает их от себя. Все это создает атмосферу страха, ведь в качестве угрозы нам предъявляют живых людей, и в конечном итоге под угрозой оказываются наши общие свободы.

Материал подготовила В. Кирсанова
Страница в Интернете: <http://myko.tvujweb.cz/fnf2/>

Киноревю

О ФИЛЬМЕ «РОССИЯ 88»

Я смотрела фильм Павла Бардина «Россия 88» на закрытом показе в старом кинотеатре «Фитиль» в Москве. Перед этим показом ходили слухи, что на него могут заявиться бонхеды, поэтому группа молодых антифашистов и анархистов пришла на него организованно, чтоб предотвратить возможные нападения на одиночек. Бонхеды не пришли, антифашисты составили компанию более великовозрастной публике: богеме, либеральной и творческой интеллигенции, казавшейся немного шокированной своей собственной храбростью. «Простых» зрителей в зале не было. Как мне показалось, в конце просмотра антифашисты остались в недоумении, а остальные впали в еще больший шок.

Получилось, что в фильме, как это часто бывает с художественными произведениями, изображающими зло, нет ничего убедительнее этого самого зла. Штык, главный герой истории, не перевоспитывается в конце фильма, а попросту убивает себя. Зрителю непонятно, раскаялся ли он в том, что стал виновником гибели «Ромео»-кавказца и «Джульетты»-сестры (авторы говорили о параллели сюжета с «Ромео и Джульеттой»). Более того, при желании в фильм можно вчитать и такой смысл: он раскаялся, но лишь в гибели сестры, он кончает с собой как борец за правое дело, верный, но запутавшийся в сети личной семейной трагедии.

Так или иначе, но нацизм в фильме Бардина настолько убедителен, что выглядит тотальным и непреодолимым. Зритель, до того мало что знавший об этой проблеме, остается раздавленным тяжестью проблемы.

Более подготовленный зритель, для которого изображенная реальность не является шокирующей новостью, кто так или иначе хорошо знаком с лицами и повадками неонацистов, разглядит в фильме налет идиотизма и убогости, приданный авторами главным героям, но не увидит ничего сверх того.

- What am I supporting?

- "Russia for Russians".

«Я поддерживаю лозунг "Россия для русских"!»

Антифашизм, безусловно, сподвигнувший режиссера на создание картины, на мой взгляд, художественно проигрывает фашизму в фильме.

Между тем, неонацизм не тотален, силы сопротивления были, есть и будут, просто они — вместе со всеми своими решенными и нерешенными вопросами и проблемами — остаются вне поля зрения авторов. Первым же примером тому служит сам Павел Бардин.

Создатели фильма с большим рвением и отдачей сделали свою работу. Они скрупулезно изучили тему, и если их наци-скинхеды и выглядят иногда слишком нарочитыми, то это не имеет принципиального значения. И пусть они там поют вместе с староватым бывшим РНешником песню Гребенщикова «Этот поезд в огне»: в этом можно увидеть не прокол и анахронизм, а некий символ, связь поколений, захват культурных ценностей. Хорошие актеры, впечатляющие съемки с реальными москвичами, отвечающими почти поголовно на вопрос «телеканала», что они согласны с лозунгом «Россия для русских», драматичная история, готовность режиссера и продюсеров

драться за свой фильм, за его прокатную судьбу, выступать с антифашистскими речами, — все это, как мне кажется, говорит о профессионализме и неравнодушии.

Сейчас такое время, когда любая манифестация антифашистской позиции, любая провокация общественной дискуссии на эту тему крайне важна. Общественная реакция на декабрьские публичные выступления ультраправых на Манежной площади в Москве и в других городах

показала, как слабо многие представляют себе, в чем состоит суть антифашистской позиции. Даже некоторые из тех, кто привычно считает себя приверженцами антифашистских взглядов, произносили совершенно расистские речи и чуть ли не оправдывали беспорядки. Выступление с последовательных антифашистских и антирасистских позиций сейчас требует мужества и мудрости. Павел Бардин — один из тех, кто демонстрирует и то, и другое. Выступая на митинге «Москва для всех» 26 декабря 2010 года, он говорил о том, как ему жаль, что москвичи не выступили более массово против радикальных националистов. Присоединяясь к его сожалению, я не могу не отметить, что его фильм, несмотря на недостатки, которые я в нем вижу, вместе со смелой и последовательной позицией, высказываемой Бардиным в многочисленных интервью, оказали значительное влияние на увеличение числа тех, кто наконец заметил угрозу, грозящую нашему обществу.

Вера Кирсанова